

реприз и паремий, в особенности тех из них, в которых смешное связано с возможностями именно речи (а не литературы).

6. В истории коммуникации, в особенности в XIX–XXI вв., происходит экспансия вербального смешного и комического в разные области повседневного и устного служебного общения и в вербальные искусства (в ущерб серьезному, назидательному, пафосному). Указанная тенденция особенно отчетливо проявляется в эволюции жанра паремии (афоризма).

Л. П. Михайлова
Петрозаводск

Преобразованный анлаут и этимологизация диалектного слова

В составе севернорусской диалектной лексики обнаруживаются слова с одинаковой семантикой, анлаут которых несколько различен. Это могут быть слова с одним или двумя согласными (типа *ладби́шка – гладби́шка*), начальным *о-, а-, ва-* (*ва́корь – а́корье – ко́рень*) и др. Рассмотрение этимологии первых лексем среди указанных непосредственно связано с последующими. Ориентиром является наличие родственных слов в литературном языке и диалектах, тип ареала. Как правило, особенности анлаута имеют слова, обладающие точечным ареалом.

Изолированное положение слова с измененным анлаутом, приводящее часто к отрыву его от исконного корневого гнезда, затрудняет поиск этимологии. Мена согласных звуков, известная севернорусским говорам и закрепившаяся в топонимии [см.: Матвеев, 2001, 127–129], помогает определить исходное слово. Лексема *барза́ться* ‘возиться, иметь дело с кем-, чем-н.’ Леш. [АОС, 1, 113] имеет в анлауте *б* в соответствии с исконным *в*, ср. *варза́ться* ‘тратить время, занимаясь каким-н. хлопотливым делом’ В.-Т., Карг., Леш., Мез., Онеж., Холм. [АОС, 2, 47], ‘заниматься каким-л. хлопотливым делом, возиться с кем-, чем-л.’ Арх.: В.-Т.; Влг.: Череп., *ва́рзаться* ‘то же’ Арх.: Уст.; Влг.: Устюж. [СГРС, 2, 27], в близких значениях также Нижегород., Яросл., Сев.-Двин., Пск. [СРНГ, 4, 53] и др. Аналогичная ситуация с *д* в анлауте вместо *г*: *дала́нка* ‘брюква’ Влг.: М.-Реч. [СГРС, 3, 175], ср. *гола́нка* ‘то же’ Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Уст.; Влг.: В.-Важ., Вож., В.-Уст., Ник., Нюкс., Сямж., Тарн., Хар. [СГРС, 3, 66]. Наблюдается и лексикализация *б* в соответствии с *г*: *блухо́й* ‘плохо слышащий, глухой’ Перм.: Караг. [СПГ, 1, 42], Арх.: Красн. [АОС, 2, 35], ср. *глухо́й*; *блужи́ка* ‘береза с негладкими, шершавыми листьями’ Перм.: Сив. [СПГ, 1, 42], ср. *глуши́на* ‘порода березы с шершавым листом, не годная на банные веники’ Олон., Пск. [СРНГ, 6, 218], *глуши́ник* ‘береза с шершавыми листьями, не годная на банные веники’ Перм.: Бер. [СПГ, 1, 164]; *блухомя́тка* ‘глухой человек’ Арх.: В.-Т. [СГРС, 1, 120], ср. *глухомя́тка* ‘то же’ Кирил. [СРГК, 1, 341].

Процесс упрощения группы согласных в начале слова, обусловленный влиянием соседних прибалтийско-финских или других финно-угорских языков [см.:

Лыткин, 1974, 119], активно отражен в севернорусской лексике. В результате возникают диалектные омонимы к общеизвестным словам, семантические диалектизмы: *рѳбкий* 'легко ломающийся, хрупкий' Кирил. [СРГК, 5, 533], ср. *дрѳбкий* 'легко разбивающийся' Печ. [ПОС, 9, 208], 'ненадежный, непрочный' Ленингр. [СРНГ, 8, 188], сербохорв. *дрѳбан* 'ломкий, рассыпчатый' [ЭССЯ, 5, 122]; *рудный* 'урожайный' Белом. [СРГК, 5, 576], ср. *грудный* 'богатый урожаем, урожайный' Челябин., 'многочисленный, имеющийся в большом количестве' Беломор., Свердл., Колым. Якут. [СРНГ, 7, 163]. Естественны и собственно лексические диалектизмы: *руднѳть* 'начать литься с силой, хлынуть' Белом. [СРГК, 5, 576], ср. *грудный* 'обильный, дружный (о дожде)' Свердл. [СРНГ, 7, 163].

В связи с исчезновением начального звука в консонантной группе обратим внимание на слово *рябега* 'низкое сырое место в лесу, заросшее мелким частым лесом' Лод. [СРГК, 5, 601], считающееся заимствованным, ср. зап.-фин. *räärpö* 'непроходимое место, топь', вепс. **räbeh* (**räbez*), ливв. *räbe(jikkö* 'редколесье с чахлыми деревьями; молодой частый лес', фин. *räpeikkö* 'кустарник, молодая поросль' [Мамонтова, Муллонен, 1991, 82]. На наш взгляд, при установлении этимологии данной лексемы следует учесть собственно русский материал: в олонецких и сопредельных говорах – *дрябь* 'топь, трясына' Олон. [СРНГ, 8, 226], *дряб* 'трясына' Бокс., Подп., Баб., Канл., Кем., *дрябь* 'то же' Бокс., Подп., Баб., Кем., *дрябучина* 'топкое место, трясына' Онеж., *дряблый* 'нетвердый, болотистый, оседающий под ногами (о почве)' Онеж. [СРГК, 2, 7], *дрябь* 'топкое место, зыбун' Влг.: Устюжн. [СГРС, 3, 279]; в архангельских говорах – *дрябь* 'топкое, вязкое, болотистое место, топкое болото' Леш., Пин., Прим., 'низменное сырое, поросшее лесом, кустарником место' Прим., 'густо заросшее место в лесу, чаща' Мез., Пин., Шенк., *дрябучина* 'топкое болото' Онеж. [АОС, 12, 324], *дрябь* 'топкое место, зыбун' Арх.: Прим., Шенк., 'густые труднопроходимые заросли леса и кустарника' Арх.: Пин. [СГРС, 3, 279], наряду с *дребь* с той же семантикой [СГРС, 3, 266]; в новгородских говорах 'трясына, топкое болото' – *дрябь* Бор., Валд., Под., Мош., *дрябель* Ст., Новг., *дрябичина* Мош., Бор., Дем., Люб., Мал., Мар., Ок., Парф., Под., Сол., Ст.; 'жидкая, топкая грязь' – *дрябь* Ок., Оп., *дрябля* Ок. [НОС, 2, 106]; в псковских говорах – *дрябь* 'непроезжее место' Печ., *дряпа* 'топкое место, трясына' Вл. [ПОС, 10, 23, 26]. Подобные данные можно считать основанием для предположения о вхождении русского слова в прибалтийско-финскую лексическую систему, где оно подверглось фонетической адаптации в анлауте.

Требуется выявление полного состава лексики, характеризующейся отмеченными признаками, что позволит уточнить пути взаимного влияния контактирующих языков.

Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Ч. 1.